

20-th Anniversary of the Invasion of Czechoslovakia

<i>Alexander Dubcek. Answers to the Questions of Unita Correspondents. . . . .</i>	237
<i>Milan Hubl. Arrogance or Ignorance. . . . .</i>	261

Our Archives

<i>Extracts of Discussions between Representatives of the FCP and Representatives of the CPSU and CPCZ . . . . .</i>	266
<i>Ludvik Vaculik. 2000 Words. . . . .</i>	287
<i>N. Khrushchev. How we Deceived Hitler . . . . .</i>	295
<i>Non-Agression Pact between Germany and the USSR. . . . .</i>	307
About Our Authors	311

Людвик Вацулик

ИСТОРИЧЕСКИЙ МОМЕНТ*

Министр-взяточник осужден и казнен! Освистан какой-то комитет! Начальник милиции наказан за подавление критики со стороны журналиста! На заводе идет обсуждение вопросов, связанных с управлением предприятием! К социалистической перестройке подключена кока-кола! Демонстрируются ранее запрещенные фильмы! Театры принадлежат актерам! Положен на полку неудачный проект об изменении течения рек! Реабилитированы честь и совесть!

Как социалист, я смотрю на все это с любопытством и недоверием; как чех — с иронией. Они снова думают, что они лучше нас, — и опять по праву сильного! Нет сомнения, что эта страна давно нуждалась во встряске; грустно, однако, что осознанная русским чиновником идея, как правило, не представляет собой ничего нового. Свидетельством этого — кибернетика сорок лет назад, позднее — джаз, и, наконец, сейчас — московская модель „Пражской весны“ 1968 г. А наши люди с недоумением спрашивают друг друга: что ожидает нас в будущем? Я же не жду ничего, и даже не намерен ждать!

Я наблюдаю, как наше правительство маленькими дозами сообщает нам информацию, успокаивая при этом: у нас ничего

* Печатается без ведома автора.

такого не произойдет. „Каждое государство имеет право на свой путь”, — мужественно заявил Биляк. И мы, издавна желавшие, чтобы наше правительство не лезло никому ни во что, наконец-то такое правительство имеем! Как патриот, я знаю: копировать Советский Союз нам не нужно сейчас, не было нужно в прошлом (несмотря на то, что это говорил Биляк) и не будет нужно ни через десять, ни через сто лет. Что бы ни происходило в этой стране нынешних сенсаций, мы имеем право, как и в прошлом, действовать по собственному усмотрению. Для этого нам не нужен Горбачев, как не нужен и Биляк, разрешающий нам не копировать Горбачева. Давайте говорить искренне — они оба нам не нужны. Если бы сейчас из Москвы пришло распоряжение дать нам свободу, я бы восстал и отказался даже читать этот второй указ о терпимости.*

Мне приходит на мысль дело Гуса: католическая церковь, созревшая до понимания его идей, созрела и до решения причислить его к лику святых. Как католик, я должен был бы увидеть в этом торжество правды, характера и святого духа. Человек, однако, задумывается, что скажут на это мертвые с обеих сторон: „Господа, в конце концов, всегда договаряются друг с другом! Нужно было и нам переждать, чтобы жить!” Разве помимо этического дефекта нет в этом решении католической церкви и дефекта познавательного? Посмотрим на эту ситуацию в нынешнем контексте: церковь, существующая уже два тысячелетия, все та же неизменная церковь, протягивает руки ныне

* Имеется в виду указ о терпимости, изданный австрийским императором Иосифом II в 1781 г. — в период так называемого просвещенного абсолютизма. В соответствии с этим указом, были предоставлены большие свободы протестантской и православной церквям Австрии, где ранее единственно признанной была католическая церковь. По указу, были расширены гражданские и экономические права верующих иных религий. Они получили доступ к академическим должностям и к государственной службе. Эти меры были направлены на максимальное использование государством способностей как можно большего числа людей и на выявление новых экономических ресурсов. Советская Энциклопедия называет этот и другие указы Иосифа II „попыткой преобразовать обветшалые австрийские институты путем реформ „сверху” (БСЭ, т. 1, стр. 264—265, Москва, 1970 г.).

живых в XV век и начинает проповедовать тогдашним живым. Значение священной кровавой борьбы сводится на нет заявлением римского посла, что предмет спора потерял актуальность и перестал иметь какое-либо значение для церкви! Я думаю, Гус, не желая нас разочаровывать, должен был бы сегодня заявить: „Зачем вы меня втягиваете в свои дела, я уже занимаюсь другими!” Какими же? — должна была бы в первую очередь поинтересоваться церковь. Какие козни сейчас коует против нее новый святой?

Это интереснейшая проблема — теологическая, философская и нравственная. Мне не нравится, что ее намерены решить постановлением, характер и цели которого напоминают постановления политбюро: правду жертвы, которую даже отчасти не признали в свое время, теперь пытаются присвоить себе! Они начинают носиться с правдой, которая между тем тоже прожила свое время. Что же делать? Я ничего не предлагаю. Оставьте все так, как завершилось столь поучительное противоборство. Ведь правда о человеке и церкви, которую оно продемонстрировало, возможно, важнее правды о самом предмете спора.

Восхваления Гуса церковь могут отрицательно повлиять на всех еретиков и диссидентов, готовых скорее сгореть за правду или сжечь других, нежели тихо жить по правде, не заботясь войти в историю. Как гусит, я думаю, что было бы неинтересно погаснуть без пламени, от какой-то болезни, старости и усталости, без успеха, без преследования и мук!

С недоумением гляжу я на эту неприступную страну, которая с барабанным боем открывает рудники по добыче правды — с барабанным боем, фейерверком и даже с неожиданным личным обаянием, на которое, как я, европеец, надеюсь, могут клюнуть только американцы. Глядя на то, как святейший престол копается в нашем сундуке 1968 года, я чувствую отвращение, мудро нашептывающее мне: „Все в порядке. Это был их сундук!” И я, старый идиот, недоумеваю, почему я не признавал этого, будучи молодым идиотом.

„Производить качественные изделия” — как неожиданно и смело! „Выдвигать несколько кандидатов на выборах” — ух, вот это новинка! „Выращивать овощи у избушки!”

„Самостоятельное мышление” — как надолго? „Совесть как высший императив” — даже если вам это не нравится?

Мы все же желаем вам успеха. Так держать! Вас ожидают еще более смелые открытия: о разделении законодательной, исполнительной и судебной властей, например. Но, что бы ни открыли, оставьте нас в покое, особенно, если вам этого не захочется.

Но я полагаю, что несмотря на мое и Биляка желание остаться в стороне, несколько бульжников из советских рудников по добыче правды обвалится на нашу голову. Таков уж закон политического резонанса между маленьким и большим тромбомом. Что-то наверняка произойдет.

Мне вспоминается анекдот о бедном еврее, который жаловался раввину, как тесно в его доме. Раввин посоветовал ему взять в дом козу, потом корову, потом теленка. Еврей поступал в соответствии с его советами. Становилось все хуже и хуже. Когда положение стало невыносимым, еврей снова пришел к раввину, и тогда тот велел ему выгнать животных из дому. Как легко стал дышать старый еврей!

Этим самым я, как социалист, хочу сказать: если у нас все же начнется процесс возрождения, то я буду ему радоваться — как тот бедный еврей.

СТАТЬИ

Зденек Млинарж

ПРОБЛЕМЫ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМОЙ СССР, И ВОЗМОЖНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ

Предпринятые в прошлом попытки осуществить в СССР экономическую реформу потерпели крах не в последнюю очередь потому, что они натолкнулись на препятствия политического характера: они предусматривали перемены не только в экономической, но и в общественной и политической системах. Страх перед такими переменами превзошел, в конце концов, желание провести экономическую реформу.

И сейчас, все, кто противится политике реформ горбачевского руководства, надеются, что история повторится. В этом, как это ни парадоксально, консерваторы в СССР сходятся с теми на Западе, кто принципиально отвергает возможность советской системы эволюционировать и реформировать себя. И те и другие видят в возможной демократизации политической системы СССР угрозу монопольной власти компартии.

Я же считаю, что советскую политическую систему можно реформировать, что она может эволюционировать, и что тем самым может измениться ее качество, и что это означало бы не гибель, а напротив, — подлинное развитие социалистического строя. Такая задача, однако, куда сложнее изменения системы экономического управления. При ее решении неизбежно возникнут серьезные конфликты между общественными слоями с